

М. Е. Салтыковъ

[Н. Щедринъ]

ГУБЕРНСКІЕ ОЧЕРКИ

[1856—1857 гг.]

МАТЕРІАЛЫ ДЛѢ БІОГРАФІИ М. Е. Салтыкова.

Съ портретомъ автора, его факсимиле и могильнымъ памятникомъ.

ТРЕТЬЕ ИЗДАНИЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 5 л., 28.

1894.

Дорогіє Друзья!

Представляєм Вамь розказь Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина «Христось воскресь».

Розказь входить въ сборникъ «Губернскіе очерки», появлявшійся въ печати отдѣльными розказами и сценами въ 1856–1857 годахъ, и составившій первое по времени крупное произведеніе Салтыкова.

Въ небольшомъ произведеніи авторъ розказываетъ о празднованіи Свѣтлаго Христова Воскресенія различными людьми, находящимися на разныхъ уровняхъ, въ т.ч. и соціальныхъ.

Въ нашомъ изданіи приводится текстъ произведенія въ авторской орѳографіи, безъ какихъ-либо измѣненій и правокъ, полностью идентичный изданію розказа отъ 1894 года¹.

Пріятнаго Вамь прочтенія, Друзья!

---

¹ Салтыковъ-Щедринъ, М.Е. Христось воскресь! / Губернскіе очерки / М.Е. Салтыковъ-Щедринъ. – С.-ПЕТЕРБУРГЪ. Типографія М.М. Стасюлевича, 1894. – Т. I. – С. 246–254.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ М.Е. САЛТЫКОВА,
Т. I

ГУБЕРНСКІЕ ОЧЕРКИ

[1856— 1857 гг.]

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ БІОГРАФІИ М. Е. САЛТЫКОВА.

Съ портретомъ автора, его факсимиле и могильнымъ
памятникомъ.

ТРЕТЬЕ ИЗДАНИЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М.М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.

1894

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ

СОЧИНЕНІЙ

М. Е. САЛТЫКОВА

[Н. ЩЕДРИНА]

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

ТРЕТЬЕ ИЗДАНИЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1894

«Христось воскресь!»

Скажите мнѣ, отчего въ эту ночь воздухъ всегда такъ тепель и тихъ, отчего въ небѣ горять миллионы звѣздъ, природа одѣвается радостью, отчего сердце у меня словно саднить отъ полноты нахлынувшего вдругъ веселія, отчего кровь приливаетъ къ горлу, и я чувствую, что меня какъ будто уносить какою-то невидимою волной?

«Христось воскресь!» звучать колокола, вдругъ загудѣвшіе во всѣхъ углахъ города; «Христось воскресь!» журчатъ ручьи, бѣгущіе съ горы въ оврагъ; «Христось воскресь!» говорятъ шпили церковей, внезапно одѣвшіеся огнями; «Христось воскресь!» привѣтливо шепчуть вѣчные огни, горящіе въ глубокомъ, темномъ небѣ: «Христось воскресь!» откликается мнѣ давно минувшее мое прошлое.

Я еще вчера явственно слышалъ, какъ жаворонокъ, только-что прилетѣвшій съ юга, бойко и сладко пропѣлъ мнѣ эту славную вѣсть, отъ которой сердце мое всегда билось какою-то чуткою надеждой. Я еще вчера видѣлъ, какъ добрая купчиха Палагея Ивановна хлопотала и возилась, изготовляя несчетное множество куличей и пасхъ, окрашивая сотни яицъ и запекая въ тестѣ десятки окороковъ.

— Куда вамъ такое множество куличей. Палагея Ивановна? — спросилъ я ее.

— И, батюшка, все изойдетъ для «несчастненькихъ»! — отвѣчала она, набожно осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ.

Ужасно люблю я Палагею Ивановну. Это именно почтеннѣйшая женщина! «Несчастненькими» она называетъ арестантовъ, и, кажется, всю жизнь свою посвятила на то, чтобъ какъ-нибудь усладить тѣсноту и суровость ихъ заключенія. Она не спрашиваетъ, кто этотъ

арестантъ, которому рука ея подаетъ милостыню Христовымъ именемъ: разбойникъ ли онъ, воръ, или просто «прикосновенный». Въ глазахъ ея всѣ они просто «несчастненькіе», и вотъ каждый воскресный день отправляются изъ ея дома цѣлыя вязки калачей, пуды говядины или рыбы, и, «несчастненькіе» благословляютъ имя Палагеи Ивановны, зовутъ ее «матушкой» и «кормилицей»... И я того мнѣнія, что если кто-нибудь на семь свѣтъ заслужилъ царствіе небесное, то, конечно, Палагея Ивановна больше всѣхъ.

Еще вчера съ вечера я чувствовалъ, что въ городѣ дѣлалось что-то необычайное. Въ половинѣ двѣнадцатаго во всѣхъ окнахъ забѣгали огни, и вслѣдъ затѣмъ потянулся по всѣмъ улицамъ народъ, застучали разнородные экипажи крутогорской аристократіи.

И я тоже съ какимъ-то особеннымъ, давно непривычнымъ мнѣ чувствомъ радости выслушалъ утреню и вышелъ изъ церкви, вынося съ собой безотчетное и свѣтлое чувство дружелюбія, милосердія и снисхожденія.

«Христось воскресъ!» думалъ я. Онъ воскресъ для всѣхъ; большіе и малые, іудеи и еллины, пришедшіе рано и пришедшіе поздно; мудрые и юродивые, богатые и нищіе — всѣ мы равны предъ Его воскресеніемъ, передъ всѣми нами стоитъ трапеза, которую приготовила побѣда надъ смертью.

Недаромъ существуетъ въ народѣ повѣрье, что душа грѣшника, умершаго въ свѣтлый праздникъ, очищается отъ грѣховъ и уносится въ райскія обители.

Можетъ ли быть допущена идея о смерти въ тотъ день, когда все говоритъ о жизни, все привязываетъ къ ней? Я люблю эти народныя повѣрья, потому что въ нихъ, кромѣ поэтическаго чувства, всегда разлито много свѣтлой, успокоивающей любви. Не знаю почему, но когда я взгляну на толпы трудящихся, снискивающихъ въ потѣ лица хлѣбъ

свой, мнѣ всегда приходитъ на мысль: «какъ бы славно было умереть въ этотъ великій день!»

Для всѣхъ воскресъ Христось! Онъ воскресъ и для тебя, мрачный и угрюмый взяточникъ, для тебя, котораго зачерствѣвшее сердце перестало биться для всѣхъ радостей и наслажденій жизни, кромѣ наслажденія пріобрѣтенія и неправды. Въ этотъ великій день и твоя душа освобождается отъ тяготѣвшихъ надъ нею нечистыхъ помысловъ и ты дѣлаешься добръ и милостивъ, и ты простираешь объятія, чтобы заключить въ нихъ брата своего.

Онъ воскресъ и для васъ, бѣдные заключенники, неузнанные странники моря житейскаго! Христось, сходявшій въ адъ, сошелъ и въ ваши сердца и очистилъ ихъ въ горниль любви Своей. Нѣтъ татей, нѣтъ душегубовъ, нѣтъ прелюбодѣевъ! Всѣ мы братія, всѣ мы невинны и чисты предъ гласомъ любви, все прощающей, все искупающей... Обнимемъ же другъ друга и всѣмъ существомъ своимъ возгласимъ: «друзи! братья! воскресъ Христось!»

Онъ воскресъ и для тебя, бѣдный труженикъ, кроткая жертва свирѣпой бюрократіи! Добрый начальникъ Сергѣй Александрычъ велѣлъ выдать всѣмъ чиновникамъ пособіе изъ «остаточковъ» на праздникъ — и вотъ является у тебя на столъ румяный куличъ, и рядомъ съ нимъ красуется добрая четверть телятины. Невеликъ твой уголь, не веселитъ ничьего взора твое убожество, но въ этотъ день и твоя бѣдная комната вымыта и прибрана по праздничному, дѣти одѣты въ чистенькихъ ситцевыхъ рубашонкахъ, а жена гордо расхаживаетъ въ невозможности-накрахмаленной юбкѣ. Дѣти твои безпрестанно подходятъ и къ румяному куличу, и къ заманчивой телятинѣ: они ждутъ не дождутся, когда всѣ эти великолѣпныя вещи сдѣлаются ихъ достояніемъ. Но ты

ласково сдерживаешь их нетерпѣніе; ты знаешь, что въ этотъ день придуть къ тебѣ разговѣтаться такіе же труженики, какъ и ты самъ, не получившіе, быть можетъ, на свою долю ничего изъ «остаточковъ»; сердце твое въ этотъ день для всѣхъ растворяется; ты любишь, и тоскуешь только о томъ, что не можешь всѣхъ насытить, всѣхъ напитать во имя Христа Искупителя.

Онъ воскресъ и для тебя, сѣрый армякъ! Онъ сугубо, воскресъ для тебя, потому что ты цѣлый годъ, обливая потокомъ кормилицу-землю, славилъ имя Его, потому что ты цѣлый годъ трудился, ждалъ и все думалъ: «вотъ придетъ Свѣтлое Воскресеніе, и я отдохну подъ святою сѣнью его!» И ты отдохнешь, потому что въ полѣ бѣгутъ еще веселые ручьи, потому что земля-матушка только-что первый паръ дала, и ничто еще не вызываетъ въ поле ни твоей сохи, ни твоего упорнаго труда!

Для всѣхъ воскресъ Христось! Всѣ мы, большіе и малые, богатые и убогіе, іудеи и еллины, всѣ мы встанемъ и отъ полноты душевной обнимемъ другъ друга!

Когда я проснулся, солнце стояло уже высоко, но какъ свѣтло оно сіяло, какъ тепло оно грѣло! На улицахъ было сухо; не даромъ же говорятъ старожилы, что какая ни будь дурная погода на шестой недѣлѣ поста, Страстная все дѣло исправитъ, и къ Свѣтлому празднику будетъ сухо и тепло. Мнѣ сдѣлалось скучно въ комнатѣ одному, и я вышелъ на улицу, чтобъ на народъ поглядѣть.

— Христось воскресъ! — кричитъ мнѣ Порфирій Петровичъ, влекомый парюю кауренькихъ лошадокъ: — тамъ будете?

И, не дождавшись моего отвѣта, прибавляетъ:

— То-то же! сегодня грѣхъ! сегодня не такой день, чтобы въ карты играть! Сегодня, по древнему обычаю, пораньше спать лечь слѣдуетъ.

Я иду дальше и въ скоромъ времени равняюсь съ

домикомъ «матушки» Палагеи Ивановны, у которой всѣ окна, по случаю великаго праздника, настезъ.

— Ну чтò, какъ «несчастненькіе»? — спрашиваю я у этой милой женщины, которой кроткое лицо отрадно и освѣжительно дѣйствуетъ на мою душу.

— А чтò? всѣ слава Богу! — чуть не затаскали меня, старуху, совсѣмъ! Да не побрезгай, баринъ любезный, зайди ко мнѣ разговѣться! Поди-чай тебѣ, сердечному, одному-то въ такой праздникъ какъ скучно!

И мнѣ дѣйствительно дѣлается внезапно такъ грустно и горько, что я чувствую, какъ слезы душатъ и давятъ меня. Я въ самомъ дѣлѣ припоминаю, что мнѣ чего-то недостаетъ, что я какъ будто лишній на бѣломъ свѣтѣ, что я одинъ, всегда одинъ. И я вдвое начинаю любить эту милую Палагею Ивановну за то, во-первыхъ, что она назвала меня «сердечнымъ», а во-вторыхъ за то, что она отъ всей души пригрѣла и пріютила меня въ великій праздникъ. Неизвѣстно почему, но Палагея Ивановна всегда какъ-то особенно вздыхаетъ и покачиваетъ головой, когда со мной говорить. Иногда мнѣ случается подмѣтить ея взоръ, устремленный на меня въ то время, когда я разговариваю съ ея племянниками и племянницами, съ ея сиротками, которыхъ у нея полонъ домъ, и взоръ этотъ всегда бываетъ полонъ какой-то тихой, любящей грусти. Нѣтъ сомнѣнія, что она я во мнѣ видитъ одного изъ толпы «несчастненькихъ», что она охотно полюбила бы меня, какъ любить своихъ сиротокъ, еслибы я, на мое несчастіе, не былъ чиновникомъ. Чиновническій вицмундиръ во многихъ случаяхъ лишалъ меня возможности наслаждаться бездною пріятныхъ вещей. Палагея Ивановна — высокая и полная женщина; должно полагать, что смолоду она была красавицей, потому, во-первыхъ, что черты лица ея и доселѣ говорятъ еще о прошедшей красотѣ, а во-вторыхъ, потому, что женщина съ истинно-добрымъ сердцемъ, но мнѣнію

моему, должна, непременно должна быть красавицей.

Между тѣмъ я вхожу во дворъ, на которомъ взапуски веселится и рѣзвится молодое поколѣніе. Палагею Ивановну эта рѣзвость очень утѣшаетъ. Какъ женщина истинно добрая, она сама очень весела и потому любить, когда другіе веселятся. Съ той минуты, какъ я вхожу въ ея дворъ, моя хандра исчезаетъ мгновенно. Малолѣтніе племянники и племянницы со всѣхъ сторонъ обступаютъ меня и хвастаются передо мною своими обновками, потому что Палагея Ивановна всѣхъ для праздника надѣлила. Въ сторонѣ, у забора, положено бревно, поперекъ котораго брошена доска, и двѣ дѣвушки, лѣтъ по двѣнадцати, дѣлаютъ величайшія усилія, чтобъ подскануть какъ можно выше. Около службъ мирно пасется стая индѣекъ, и нѣсколько мальчишекъ усердно дразнятъ огромнаго индюка, который изъ всѣхъ силь топырится, а по временамъ и наскакиваетъ стремительно на обидчиковъ, мгновенно разсыпавшихся въ разныя стороны.

— Ваня! а Ваня! что пѣтуха, голубчикъ, дразнишь!
— кричитъ Палагея Ивановна, вышедшая на встрѣчу мнѣ на крыльцо.

Но дѣти такъ тѣсно обступаютъ меня, что я не имѣю никакой возможности пробраться къ моей хозяйкѣ. Они громко и деспотически требуютъ гривенника на пряники, который и получаютъ съ знаками всеобщаго и шумнаго удовольствія.

— Ишь, пострѣлята, какъ завладѣли бариномъ! — говоритъ Палагея Ивановна, по слово «пострѣлята» выходитъ у нея какъ-то совсѣмъ не бранно.

Я, наконецъ, освобождаюсь и вхожу въ горницу, въ которой присутствуетъ ужъ большая компанія. Въ переднемъ углу сидитъ дѣдушка Иванъ Гаврилычъ; онъ ужъ лѣтъ десять ничего не видитъ и не слышитъ, и лицо его отъ старости покрылось какимъ-то мохомъ. Однакожъ Палагея

Ивановна и до сихъ поръ никакого дѣла не затѣваетъ, не испросивши напередъ его благословенія, и мнѣ положительно извѣстно, что ключи отъ денежнаго сундука до сихъ поръ хранятся у «дѣдушки», который выдаетъ деньги съ величайшею скупостью. Рядомъ съ нимъ сидитъ старуха, свекровь хозяйкина, и эта почтенная фигура напоминаетъ мнѣ о мужѣ Палагеи Ивановны. Мужъ этотъ еще живъ, но онъ куда-то усланъ за дурныя дѣла, и нѣтъ сомнѣнія, что это обстоятельство имѣетъ большой вѣсъ въ томъ состраданіи, которое чувствуетъ Палагея Ивановна къ «несчастненькимъ». Тутъ же присутствуетъ и спившійся съ кругу приказный Трофимъ Николаичъ, выдавшій когда-то лучшіе дни, потому что былъ онъ и исправникомъ, и засѣдателемъ, и опять исправникомъ, и просто вольнонаемнымъ писцомъ въ земскомъ судѣ, покуда, наконецъ, пройдя черезъ всѣ мѣдныя трубы, не устроилъ себѣ постоянного присутствія въ кабацкѣ, гдѣ, за шкаликъ «пѣннаго», настроचितъ можетъ о чемъ угодно, куда угодно и какую угодно просьбицу захмелѣвшему мужичку. Но въ этотъ великій праздникъ и Трофимъ Николаичъ считаетъ за грѣхъ идти въ кабакъ и отправляется съ поздравленіемъ къ разнымъ благодѣтелямъ, которыхъ у него очень много въ купеческомъ и мѣщанскомъ сословіи. Онъ, впрочемъ, очень рѣдко подходитъ къ большому столу, на которомъ стоятъ куличи и другія пасхальныя принадлежности, а больше придерживается малаго стола, стоящаго у стѣнки, на которомъ красуются рюмки и графины съ водкой. Нѣсколько молодыхъ бабенокъ и парней дополняютъ картину.

— Пожалуйте! просимъ покорно побесѣдовать! — говоритъ Палагея Ивановна, вводя меня въ комнату. — Батюшка! Николай Иванычъ пришелъ.

Но «дѣдушка» не слышитъ и только чавкаетъ.

— Вы старика-то моего не обезсудьте, баринъ

любезный, — продолжает Палагея Ивановна: — что онъ, по старости лѣтъ, почтенія вамъ отдать не въ силахъ.

Меня усаживаютъ подлѣ старика, хотя мнѣ скорѣе желалось бы побыть съ молодушками; съ другой стороны, молодушки, по всѣмъ вѣроятіямъ, подмѣтили мою кислую фізіономію, потому что я вижу, какъ онѣ смѣются втихомолку.

— Кушай, батюшка, кушай! — говоритъ Палагея Ивановна приказному, который, поднявъ рюмку, не можетъ ничего уже выразить словесно и только устремляетъ на нее долгій, умоляющій взоръ.

Бесѣда, прерванная моимъ приходомъ, возобновляется, но весьма умѣренно.

— Такъ-то, — шамкаетъ дѣдушка: — такъ-то вотъ, дѣтки, старь, старь, а все пожить хочется... Все бы хоть годиковъ съ десятокъ протянулъ, право-ну!

Молодухи смѣются.

— Да тебѣ бы, дѣдушка, и жениться такъ въ ту же пору, — говоритъ одна изъ нихъ побойчѣе: — какой ты еще старикъ!

— Ась? — спрашиваетъ дѣдушка.

Палагея Ивановна подходитъ къ нему и на ухо, какъ можно громче, объясняетъ, что вотъ Варвара отъ живого мужа за него, старика, замужъ собирается.

— Да, да, — отвѣчаетъ дѣдушка: — я еще старикъ здоровенный... здоровенный старикъ: только вотъ ноженьки плохо ходятъ... плохо, куда плохо ходятъ ноженьки...

Молодушки смѣются пуще прежняго.

— А что, какъ торги, дѣдушка? — спрашиваетъ свекровь, наклоняясь къ самому уху старика.

— Плохо, сударыня, плохо; совсѣмъ нонѣ плохо стало; самъ я вотъ не дослышу что-то, а Палагеюшка у меня еще молода... Объ ину пору такъ разнеможешься, словно и взаправду старость пришла. А пуще всего ноженьки!

мозжать это знаешь, мозжать, словно вот винтомъ тебѣ кость-ту винтить!

Трофимъ Николаичъ подходитъ, пошатываясь, къ дѣдушкѣ и, наклонясь къ его уху, хочетъ, вѣроятно, пожелать ему добраго здравія, но только икаетъ и какъ-то неблаговидно сопить, что чрезвычайно смѣшить молодушекъ; дѣдушка же, почуявъ носомъ сильный запахъ сивухи, пятится ближе къ стѣнѣ.

— Батюшка! Трофимъ Николаичъ добраго здоровья тебѣ желаетъ! — кричитъ Палагея Ивановна и, обращаясь къ приказному, прибавляетъ: — кушай, батюшка, кушай на здоровье!

— Ой-ли! — шамкаетъ старикъ; — а я было думалъ, что изъ сусѣдняго кабака дверь отворилась... правону! А какъ-то ты, крыса приказная, вѣкъ доживаешь, винцо попиваешь?

— С-с-с-лав-ва Ввсве-ввышнему! — успѣваетъ, не безъ большихъ усилій, проговорить Трофимъ Николаичъ.

— Чего, чай, «слава Всевышнему»! — замѣчаетъ Иванъ Гаврилычъ: поди, чай, дня три не ѣдаль, почтенный! все на винѣ да на винѣ, а вино-то вѣдь хлѣбомъ заѣдать надо.

— Это п-п-правильно! — произноситъ Трофимъ Николаичъ.

— То-то! а еще благородный прозывается!

— Да что-жъ вы-то, любезненькій, ничего не прикушаете? — обращается ко мнѣ Палагея Ивановна: — хоть бы тенерифцу пожаловали, или вотъ орѣшками съ молодушками позабавились! А можетъ вамъ и скучненько со стариками-то? Пожалуйте, баринъ, хоть въ ту горницу: тамъ наши молодухи сидятъ!

Я выхожу въ другую комнату, но и тамъ мнѣ невесело. Есть какой-то скверный червякъ, который сосетъ мою грудь и мѣшаетъ предаваться общему веселью. Я сижу

съ четверть часа еще и ухожу отъ Палагеи Ивановны.

Ужь два часа; на улицахъ замѣтно менѣ движенія, но около воротъ вездѣ собираются группы купчихъ и мѣщанокъ, уже пообѣдавшихъ и вышедшихъ на вольный воздухъ въ праздничныхъ нарядахъ. Пѣсенъ не слышать, потому что въ такой большой праздникъ пѣть грѣхъ; видно, что все, что ни есть передъ вашими глазами, предается не столько веселію, сколько отдохновенію и какой-то счастливой беззаботности.

— Что вы все одни да одни! зайдите хоть къ намъ, отобѣдаемъ вмѣстѣ! — говоритъ мнѣ мой искреннѣйшій другъ, Василій Николаевичъ Пройминъ, тотъ самый, которому помѣщикъ Буеракинъ въ великую заслугу ставитъ его наивное «хоть куда!».

И я отправляюсь, совершенно счастливый, что мнѣ есть съ кѣмъ раздѣлить трапезу этого великаго дня. Василій Николаичъ окончательно разгоняетъ мою хандру своимъ добродушіемъ, которому «пальца въ ротъ не клади»; супруга его, очень живая и бойкая дама, приноситъ мнѣ истинное утѣшеніе разказами о давешнемъ пріемѣ князя Льва Михайловича; дѣтки ихъ, живостью и юркостью пошедшія въ тапан, а добродушіемъ и тонкою наблюдательностью въ папá, взбираются мнѣ на плечи и очень серьезно убѣждаютъ, что я лошадка, а совсѣмъ не надворный совѣтникъ.

Я счастливъ; я ѣмъ съ такимъ аппетитомъ, что старая экономка Варвара съ ужасомъ смотритъ на меня и думаетъ, что я по крайней мѣрѣ всю Страстную недѣлю ничего не ѣлъ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ

Издание данной книги осуществляется при поддержке Благотворительного фонда восстановления церкви Святой Живоначальной Троицы съ часовней въ Язвищахъ (<http://xram-v-yazvichax.ru>), занимающагося реставраціей храма, расположеннаго въ селѣ Язвищи Боровёнковскаго сельскаго поселенія Окуловскаго района Новгородской области.

Данный топонимъ образованъ отъ слова «язвина», однимъ изъ значеній котораго въ старославянскомъ языкѣ является слово «нора». Недалеко отъ села протекаетъ рѣка Язовка, изрытая лисьими норами, давшая ему наименованіе.

Одно изъ первыхъ упоминаній о селѣ можно встрѣтить въ Переписной оброчной книгѣ Деревской пятины отъ 1495 года. Уже тогда тамъ проживали десятки человѣкъ.

Шли вѣка... Смѣнялись поколѣнія... Въ началѣ XX вѣка въ Язвищахъ проживали около 40 человѣкъ, что, можетъ быть, и немного, т. к. это была церковная земля, зато въ близлежащихъ деревняхъ – около 700 человѣкъ.

Жили люди, перестраивались и церкви, постоянно находившіяся въ селѣ. Такъ, въ 1891 году на мѣстѣ старой деревянной церкви былъ выстроенъ каменный храмъ Святой Живоначальной Троицы, возлѣ котораго расположилась богадѣльня, другія постройки. Рядомъ проживали и священнослужители.

Но прошло чуть менѣе трѣхъ десятилѣтій, и храмъ сталъ не нуженъ. Окончательно онъ закрылся въ 1937 году. Потихонечку исчезали люди. Война, лагеря, очень многіе разѣхались въ города... Умерло и село Язвищи, которое было снято съ регистраціи въ 1977 году. Вмѣстѣ съ нимъ умерли ещё десятки подобныхъ сѣль и деревень.

Сейчасъ въ близлежащихъ къ храму деревняхъ вмѣсто семисотъ человекъ, о чёмъ сказано выше, проживаетъ около тридцати. Лишь лѣтомъ съѣзжаются дачники и мѣстность какъ-то оживаетъ.

Въ Язвицахъ остался только одинъ домъ, въ которомъ проживали священнослужители, да и тотъ давно непригоденъ для жилья.

А храмъ стоитъ – поруганный, осквернённый, но величественный – и ждѣтъ...

Почему такое произошло? Какъ вернуть въ тѣ прекрасныя мѣста людей, Жизнь? На эти вопросы есть много предположеній, но мы считаемъ, что сначала надо приступить къ реставраціи храма. И затѣмъ всё вернѣтся, т. к. въ тѣхъ мѣстахъ появится вѣра, безъ которой не можетъ жить ни теистъ, ни атеистъ.

Съ 2011 года мы начали реставрировать нашъ храмъ. За это время вынесли мусоръ, застелили временные полы, закрыли плѣнкой окна. Ввиду того что зданіе церкви является памятникомъ архитектуры, приступили къ разработкѣ научно-проектной документациі.

Если Вы имѣете возможность помочь намъ въ дѣлѣ возстановленія храма, то просимъ Васъ перечислить посильное пожертвованіе на реквизиты нашего фонда:

Расчѣтный счѣтъ получателя: 40703810655100000343

въ Сѣверо-Западномъ банкѣ ПАО «Сбербанкъ
Россіи», Санктъ-Петербургъ.

ИНН получателя: 7816290748.

Получатель: Фондъ возстановленія церкви Святой
Троицы въ Язвицахъ.

Счѣтъ Банка получателя: 30101810500000000653.

БИК Банка получателя: 044030653.

Назначеніе платежа: Благотворительное
пожертвованіе.

Съ вопросами Вы можете обращаться по телефону (921) 33-99-801 (Олегъ Лавровъ) или на электронный адрес lavrovoa@mail.ru.

Благодаримъ Васъ за поддержку, Друзья!

